

ОБ АУТЕНТИЧНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В данной статье признается недостаточным противопоставление «демократической» и «оппозиционной» журналистики. Авторы добавляют противопоставление по принципу аутентичности и определяют ее дифференциальные признаки.

В течение последних десяти лет в российском общественном сознании сложилась устойчивая дихотомия «демократическая / оппозиционная публицистика». Это противопоставление приводит к двойной аберрации. Во-первых, предполагается, что существуют две монолитные идеологические и стилистические системы СМИ без внутренней дифференциации. Во-вторых, «демократическая» печать при этом обычно оценивается как «позитивная», «оппозиционная» – как «негативная» (излишне уточнять, что такую оценку им дают «демократически» ориентированные политологи, журналисты, филологи и др. специалисты). Такой подход к отечественным СМИ реализуется и в недавно вышедшей академической коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)» (М., 2000), где Е.В. Какориной написана глава XI «Стилистический облик оппозиционной прессы». Автор относит к таковой «День» («Завтра»), «Молнию», «Наше время», «Советскую Россию», «Русский собор» и нек. др. издания. Е.В. Какорина выделяет следующие дифференциальные признаки «оппозиционной» печати: а) избыточную экспликацию ключевых терминов, описывающих референтную ситуацию (а именно: ориентацию на стандарты западного капиталистического общества); б) обилие негативно-оценочных номинаций (*криминально-компрадорская буржуазия* и т. п.); в) заданность оценок при г) редукции конкретной информации (С. 409-410).

Не оспаривая в целом этой оценки *газет, подобных «Завтра»*, мы настаиваем на том, что она, во-первых, не может относиться *ко всей* оппозиционной прессе. Во-вторых, теми же признаками обладают и «демократические» СМИ. В-третьих, разделение журналистики на «демократическую» (или апологетическую, официозную) и «оппозиционную» сохраняет свою значимость, но главным образом для анализа *идеологических, а не лингвистических различий* (недаром сама исследовательница почти полностью ограничивается лексико-семантическим уровнем языка). **Для настоящего анализа языка и стиля публицистики дихотомия Е.В. Какориной должна быть дополнена другой дихотомией: «доброкачественная / недоброкачественная, или аутентичная / неаутентичная публицистика».** Аутентичность мы опреде-

ляем как способность публицистики удовлетворять предъявляемым к ней требованиям, как, в конечном итоге, ее функционально-стилистическую адекватность.

Основными функциями публицистики, согласно академическому учебнику по культуре русской речи под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева (М., 1998), считаются следующие: *информационная, комментарийно-оценочная, познавательная-просветительская, воздействующая и гедонистическая* (С. 238-239). *Итак, в их число не входят: дезинформация читателей, навязывание им тенденциозных и некорректных интерпретаций, пропаганда антиценностей (например, потребительской идеологии), внушение читателям циничных и антигуманных воззрений, разжигание в обществе агрессивности, интолерантности, чувства национальной (или иной) исключительности, прививание низменных взглядов, потребностей и вкусов, разрушение языковых и эстетических норм, вмешательство в частную жизнь граждан, клевета и т. п. Широкая распространенность, прецедентность подобных явлений не может быть основанием для их допустимости.* Все, для чего характерны эти черты, строго говоря, **вообще не является публицистикой** – это не ее конститутивные признаки. К числу наиболее типичных пороков прессы относятся также «стремление к сенсационному разоблачительству, морализаторство, всезнайство, нацеленность на негатив, провокаторство» (ЛГ. 2001. №33. С. 12). Тем не менее, неаутентичные газеты, журналы, теле- и радиопрограммы изучаются серьезными лингвистами с языковой точки зрения и тем самым как бы узакониваются. При этом объединяются СМИ 1980-х и 90-х гг., в чем мы видим серьезный методологический недостаток: между этими эпохами есть существенные различия, в том числе языковые. К «аутентичной» журналистике мы – иногда с оговорками – относим такие издания, как «Новый мир», «Москва», «Знамя», «Континент» и мн. др. литературно-критические журналы, «Литературная газета», «Правда», «Известия», а также издания по различным гуманитарным специальностям, доступные пониманию образованного (или начитанного) дилетанта: «Свободную мысль – XXI», «Вопросы литературы», «Вопросы философии» и т. п.

На наш взгляд, не удовлетворяют критерию аутентичности такие газеты и журналы, как «Аргументы и факты», «Завтра», «Лимонка», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Огонек», «ОМ», «Наука и религия», «Новое литературное обозрение», «Книжное обозрение» и т. п. издания. Это проявляется по-разному. Так, «Аргументы и факты» давно перестали соответствовать своему названию: аргументы подменяются измышлениями, а факты – слухами. Для этой газеты стала обычной ссылка на «источник информации»: *«по слухам»*. Большинство приложений к «А и Ф» является откровенным средоточием скандальной хроники, а в самой газете нередко печатаются антинаучно-фантастические спекуляции, наподобие постыдных для информационного издания измышлений Э. Мулдашева о «гималайских пирамидах» и т. п. Другие издания, как ОМ или НЛО, претендуют на «элитарность», но публикуемые в них материалы часто бывают тематически маргинальными (НЛО, в сущности, – орган легализованного андеграунда, – его, главным образом, и изучает), а то и обсценными (одна из публикаций НЛО называлась «В ж... прорубить окно»), научно недобросовестными, спекулятивными – например, еще в 1999 г. Л. Кацис продолжал писать о «плагиате Шолохова» (перед самым обнаружением рукописи «Тихого Дона») (НЛО. 1999. №36), в том же году была опубликована статья М. Вайскопфа о духовидческих мотивах в «Евгении Онегине», где утверждалось, что Татьяна в своем письме молится Онегину в буквальном смысле (НЛО. 1999. №37. С. 136-137), и т. д. – это далеко не все образцы «элитарности» подобных изданий. В перечисленных газетах и журналах встречаются и корректные, взвешенные, интересные материалы – иногда наравне с недоброкачественными, иногда же – в виде исключения, так что эти издания хотя бы отчасти обнаруживают признаки журналистики – несатисфакторной. Все, что ниже этого уровня, уже недостойно именоваться СМИ.

Какими же качествами обладает аутентичная журналистика? Прежде всего она не выходит за рамки профессиональной этики. Для ее представителей возможны ошибки, заблуждения, преувеличения, перестановка акцентов в соответствии со своими вкусами и пристрастиями, субъективность оценок, но исключены сознательная ложь, дезинформация, клевета, подлог, инсинуация.

Толерантность и уважение к оппоненту **не являются** для нее аксиомами. Оппонент воспринимается в лучшем случае иронически (чаще всего ирония реализуется как антифразис – «многоуважаемый государственный деятель» и т. п. или мей-

озис – «небезызвестный политик»). Однако вполне распространено и презрение, причем далеко не «великолепное» (А.А. Ахматова) – т. е. предельно откровенное. Так, например, участвующий в передаче весьма низкого уровня «Русский дом» и резко отличающийся от ее общего тона своими блестящими политическими обзорами международных событий Н.С. Леонов (профессор МГИМО, доктор исторических наук, генерал-лейтенант КГБ – представитель российской интеллектуальной элиты) часто позволяет себе выпады против антипатичных ему личностей и социальных групп: диссиденты – *интеллектуальное отребье, у старушки* (Е. Боннэр) *крыша поехала*, «Яблоко» и ЛДПР – *панельные партии*, Березовский *в своей вертлявой манере* заявил..., М. Олбрайт – *Баба-Яга американской внешней политики*; поведение С. Степашина, после своей отставки благодарившего Б. Ельцина, который его, «мальчишку», ввел в большую политику, Н.С. Леонов прокомментировал словами Н.А. Некрасова: *«Люди холопского звания – сущие псы иногда: чем тяжелей наказание, тем им милей господ»*. Этим характеристикам нельзя отказать в остроумии, хотя трудно согласиться с формой публичного выражения своих чувств.

Для сатисфакторной журналистики такие личные выпады – не исключение, но и не правило. Они чаще всего зависят от *темперамента* пишущего. Кроме того, одиозные личности современной российской и мировой политики переходят в глазах общества какие-то «допустимые» рамки цинизма, и отвращение авторов к ним понятно обществу. Авторы не способны даже на минимальное, «этикетное» уважение к Ельцину, Чубайсу или Жириновскому. Однако следует сделать уточнение принципиального характера: *такие люди, как Н.С. Леонов, не могли бы в эфире назвать «подонком» Жириновского, как это делает он сам, или в газете, именуемой «органом духовной оппозиции», публично выражать удовольствие по поводу предынфарктного состояния Ельцина, как это делал в 1996 г. Проханов*. Неаутентичная журналистика – **и официозная, и антиофициозная** – презирает оппонентов по-своему: она часто доходит до грубых выпадов, нарушающих нравственные табу (оскорбительное обыгрывание имен, национальности, физических недостатков и т. п.). Приведем хотя бы примеры наименований, используемых в несатисфакторной прессе для одиозных политиков: *Борька, Гэй-дар, сивый Ерин*, многочисленные вариации на тему фамилии *Черномырдин, Явлинский* и *Собчак*, прозвища Э. Лимонова – *Педичка* и *Педуард Апельсинов*; косвенные наименования – *Алкоголиссимус* (Б. Ельцин), *Киндерстюрприз* (С. Кириенко), *метр с кепкой* (Ю.

Лужков); инициальные криптонимы фактически obscenного содержания – Е.Б.Н. (Ельцин), Ж. (Жириновский), а также БД («Белый Дом») и скабрёзное переименование «Яблока» по начальным буквам фамилий *Болдырев, Лукин, Явлинский* (в передаче претендующего на элитарность А. Караулова «Момент истины» от 27 дек. 1993 г. [Русский язык, С. 121]) и др. Аутентичные публицисты не опускаются до подобных приемов.

Неаутентичная журналистика для выражения своей ненависти к объекту широко использует каламбурные вульгаризмы: *дермократы, плюйрализм, эсэнгэевский, кравчукчи* (украинцы), *оттаскать за чубайс и дать по черномырдину* и т. п. Такие окказионализмы, как правило, примитивны, не остроумны и лишены смысла. Аутентичные публицисты не допускают таких грубых эскапад, хотя экспрессивную игру слов используют весьма активно. У них встречаются другие каламбуры – *демократы, негры* (т. е. «не граждане» – русские люди, не являющиеся гражданами прибалтийских «стран»), *прихватизация* и т. п. Такие слова выражают не бессильную злобу, как в первом случае, а спокойно-презрительное отношение к неприемлемым чертам действительности, обнажение их реального смысла, закамуфлированного официальной терминологией (*демократы, приватизация*).

В аутентичных СМИ авторы, обладающие ярко выраженным темпераментом и не склонные скрывать своего отвращения к предмету описания, но сохраняющие достоинство, иногда прибегают к компромиссному приему, который мы называем *метаинвективностью*: автор цитирует чужой текст с проклятиями и ругательствами и солидаризуется с ним. Так поступает, напр., А.Н. Тарасов в статье «Гигант и пигмеи», где высмеивается псевдоэлитарный журнал «ОМ», поместивший конъюнктурный и безграмотный материал М. Новикова о Че Геваре. Сначала Тарасов полностью цитирует объемистый интернетовский отклик на статью Новикова – «Такая тема, как Че, журналу «ОМ» не по уму», подписанный Антонио Нубаррон Тремендо и изобилующий испанскими ругательствами. Затем Тарасов с явным удовольствием комментирует его: «Такие вот сильные эмоции могут вызывать безграмотные и безответственные «омовские» тексты у экспрессивного латиноамериканца, случайно наткнувшегося в Интернете на «творчество» наших журналистов из буржуазного молодежного журнала. Позволю себе перевести некоторые выражения, употребленные А. Нубарроном. «Tachos» значит «дефективные». «Sato» перевести сложнее: в данном случае это емкое слово объединяет в себе понятия «невежда», «недоумок», «щенок», «шавка». На Кубе «sato» называют самую

захудалую и паршивую беспородную бродячую собаку. В некоторых странах Карибского бассейна «sato» значит «необразованный», «неграмотный», «неумный», «невежественный». «Marikon de enapo» перевести полностью, не покушаясь на приличия, уже невозможно. Скажу только, что «enapo» означает «карлик». Но пафос и возмущение А. Нубаррона я разделяю полностью» (СМ. 2000. №11. С. 90-91)..

Неаутентичные СМИ в изобилии употребляют *пиджинизированные и слэнгизированные арготизмы*, т. е. блатные квази-лексемы, утратившие свою функциональную специфику, точное «терминологическое» значение и употребление, расширившие свой семантический объем и вошедшие в некриминальный речевой обиход на правах слэнга. Пиджинизмами являются арготизмы: *беспредел, крыша, наехать, разборки, разводить, лохотрон* и т. п. Некультурные СМИ ими перенасыщены, как, например, претендующие на респектабельность телепрограммы «Процесс» и «Однако», чьим фирменным стилем являются демонстративная мизантропия, агрессивность, снобизм, незнание и/или непонимание предмета речи и блатной лексики. Респектабельные СМИ предпочитают не загрязнять русский язык. Квази-лексемы, наподобие *беспредела* или *тусовки*, встречаются в них нечасто, в основном в виде исключения. Весьма типичны случаи, когда арготизмы и собственно слэнгизмы употребляются в качестве экспрессы. В таких случаях они обычно *«переадресовываются оппоненту»* и выделяются графикой и пунктуацией: кавычками, курсивом, разрядкой и т. п. Автор словно говорит: «Я не хочу унижать, осквернять русский язык, описывая отвратительные мне явления литературными словами. Я рассказываю о чуждой мне реальности на ее жаргоне. Но этот жаргон, также чуждый мне, я отделяю пунктуацией от собственной речи». В связи с пиджинизмами, слэнгом и т. п. речевыми слоями следует сделать еще одно интересное уточнение. Иногда авторы аутентичных статей используют их очень активно, однако их лексемный состав – принципиально иной, нежели в неаутентичной журналистике. Последней в высшей степени свойственна *некомпетентность* – это ее *видовая черта, ярчайший дифференциальный признак*. Аутентичные журналисты знают свой предмет хорошо, порой *бравируя этим и даже откровенно издеваясь над невежеством оппонента*. Постоянный автор СМ – А.Н. Тарасов часто пишет о проблемах молодежи (о студенческом движении, об учебниках и программах, о неформальных объединениях). Такие статьи содержат очень много редких, малоизвестных, узкоспециальных, даже экзотических слэнгизмов. Например: «Гуре-

вич пишет о растаманах – а школьники, читая его, смеются, потому что знают (здесь автор лукавит – А.Ф., Е.Л.), что нет никакого отдельного «языка растаманов» (в Вест-Индии растаманы говорят на местных диалектах английского, в США – на американском английском); потому что знают, что **растаманы** – это не «те, у кого косички», а приверженцы религиозного движения **«Растафари»**, что сами эти «косички» – это отнюдь не косички, а сваленные (не заплетенные) локоны, которые вовсе не символизируют корни народов, уходящие через глубину веков в Эфиопию, а всего лишь являются прической, которую, по наивным представлениям пионеров «Растафари», носили «древние эфиопы»; наконец, что «иная походка» у растамана связана не с тем, что он «несет себя» «плавно, лениво покачиваясь в ритме реггей» (**реггей**, между прочим, музыка не очень-то ленивая – обычно *allegretto* или *allegro*, а ритм реггей – нервный, «дерганный»), а с тем, что он накурился «священной» для растаманов марихуаны (которую растаманы, вопреки тому, что пишет Гуревич, называют не «ганджа» – это как раз название каннабиса на ямайском диалекте, – а **«Кайя»**). Так и хочется крикнуть: не знаешь – не пиши!» (СМ. 2000. №1. С.56-57).

Неаутентичная публицистика отличается **резкой стилистической эклектикой**. Для нее типично сочетание вульгарных и высокопарных слов в общем контексте – например: *«Враг в доме, пахан в суде, растлитель в школе (...) Наших дев скупают и отправляют в заморские бордели»* (газета «День», пример взят у Е.В. Какориной – с. 412). Для аутентичных СМИ это не характерно.

Отметим еще одну важную деталь. Неаутентичные СМИ – преимущественно «антидемократической» ориентации – пытаются придать себе видимость респектабельности и умеренно вводят в тексты специальную лексику. Поскольку такая журналистика адресована малокультурным и достаточно наивным обывателям (кто-то очень удачно сказал в 1993 г., что «День» – газета для духовно ленивых людей), то такая терминология внушает им мысль о высокой интеллектуальности этих СМИ, а также самоуважение. На самом деле эта терминология редко возвышается над уровнем средней школы и носит полуметафорический характер (*криминально-компрадорская буржуазия, девальвация доверия, идеология рантье, оккупационный проамериканский режим, колонизация русского сознания* и т. п.). Многие из таких лексем сами по себе являются квази-терминами, т. е. сомнительны с точки зрения научной корректности. Это прежде всего расхожие термины Л.Н. Гумилева, которыми перенасыщены материалы несатисфакель-

ных «профессионально-патриотических» СМИ: *пассионарность, пассионарный толчок, этническая химера, этнос* вместо конвенциональных терминов «нация», «народность». Неаутентичные «демократические» СМИ преимущественно тиражируют соответствующие лексические клише и идеологемы – как правило пиджинизированные: например, расхожий оборот *«тоталитарное общество»* безграмотно употребляется ими по отношению к постсталинскому периоду советской истории. Типичные пиджинизированные термины в этой публицистике: *плюрализм, электорат, люмпенизация населения, постиндустриальный* и т. п. Аутентичная журналистика демонстрирует иронию по отношению к таким некорректно употребляемым словам. Так, у А.Н. Тарасова в статье «Десять лет позора»: *«Интеллектуалы 90-х поверили в некое «информационное», постиндустриальное общество, и это послужило им основой для самооправдания: дескать, мы теперь не зависим от тех, кто добывает уголь, собирает хлопок и выращивает хлеб, мы внутри другой, «более высокой» цивилизации. Хотя сельскохозяйственные продукты не стали виртуальными – и их по-прежнему производят крестьяне»* (С. 42-43). Другая форма отношения к терминологии в аутентичных СМИ – ее грамотное, адекватное, уместное употребление.

Вообще **точность – базисная черта сатисфакельной журналистики**. Она проявляется не только в аутентичности цифр и фактов, но и в корректном словоупотреблении. Кроме того, **точность превращается в стилему**, становится **демонстративной**. Авторы подобных материалов не упускают возможности обличить невежество своих оппонентов, употребляющих научные термины неверно, бездумно и трафаретно. Например, А.И. Солженицын в телеинтервью (2001 г.) констатирует неправильность названия СПС: настоящие «правые» – это консерваторы; А.Н. Тарасов в статье о Пиночете (СМ. 2001. №3) утверждает, что его режим изначально не был фашистским, но стремительно фашизировался и т. д.

Стратегия максимальной адекватности касается не только терминологии. Авторы аутентичных статей постоянно разоблачают попытки своих оппонентов исказить реальность лживыми словами: отбрасывают ложные наименования и находят точные определения – Б.Ю. Кагарлицкий: *«Ценности поколения 60-х годов, доминировавшие у нас аж до конца 80-х, ушли в прошлое. На их место пришли не новые ценности, а новые соблазны»* (СМ. 1999. №7. С.32); *«патриотизм – это не просто благопристойное название для антисемитизма, а демократизм – нечто большее, чем просто антикоммунизм»* (С. 37); А.Н. Тарасов: *«Интели-*

генция» стала сословием мещан, мелких буржуа» (Там же. С. 42). Кроме того, аутентичные журналисты часто применяют такой специфический прием, как **невокабулярная дефиниция**. Их не удовлетворяют не только те значения, которые навязываются словам в неаутентичных СМИ (*демократия, плюрализм*, которые не являются таковыми), но и определения, которые даются в словарях. Эти авторы сами определяют различные социальные феномены – например, А.Н. Тарасов: *«Интеллигент, если это настоящий интеллигент, а не псевдоинтеллигент (статусный интеллигент, чиновник, клерк, «интеллектуал», т. е. узкий специалист в непромышленной области – в сфере образования, управления, информационных технологий и т. п.) – это творец, творческая личность, гений, человек, занимающийся поиском истины, рациональным (научным) или чувственным (художественным) познанием и освоением мира. Настоящий интеллигент понимает свою индивидуальную роль познающего субъекта – и общественную роль просветителя и освободителя. Настоящий интеллигент – носитель критического мышления. Настоящий интеллигент противостоит конформизму и мещанству»* (СМ. 1999. №7. С. 42); Р.Л. Лифшиц: *«потребительство – не внешняя форма поведения, а определенная смысложизненная стратегия. Потребительству противостоит не аскетизм, не выживание (...), а установка на самореализацию личности через ценности бытия»* (СМ. 2001. №6. С. 86). Авторы будто констатируют: в современной действительности самые понятные, привычные слова нуждаются в реставрации смысла, поскольку он искажен нечестными, конъюнктурными, а то и просто невежественными и неумными политиками, идеологами, деятелями культуры. Понятия и слова нужно очищать от напластований и открывать заново.

Публицистике по определению свойственно такое качество, как аттрактивность, т. е. привлекательность, или заманчивость. Но только в несатисфакторной журналистике это оборачивается злокачественной сенсационностью. Она проявляется в «черном юморе». Так, в одной из провинциальных газет существуют рубрики *«Ужасы нашего городка»* и *«Шок – это по-нашему»*, причем под ними публикуются действительно страшные материалы об убийствах с особой жестокостью, каннибализме, глумлении над трупами и т. п. «Черный юмор»

проявляется также в неуместной игре слов в заголовках, в доходящей до хамства бестактности этих каламбуров: в «А и Ф» (август 2000) – *«Трагический курс Курска»* (каламбур тем более неуместен, что не принадлежит автору этой заметки: аналогичная игра слов встречается у Маяковского и Пастернака), в той же провинциальной газете: *«Гибель сына убила и родителей»* (сын погиб в Чечне, а родители были «убиты» в переносном смысле). В той же газете – неуместная аллюзия: материал о краеведческом музее озаглавлен: *«История одного города»* – получается, что город следует именовать *Глуповым*.

Особо нужно отметить неудачные каламбуры, возникающие из-за неуместной амфиболии, т. е. двусмысленности, не мотивированной художественной задачей, а просто допускаемой «ради смеха». Например, в «А и Ф» (2000) есть заметка *«Фальшивый Ленский»*. Имеется в виду жеманное и бездушное исполнение этой партии Н. Басковым. В нарциссизм этого певца, в отсутствие у него вкуса и таланта поверить легко; поет ли он фальшиво – это виднее профессионалам. Однако автор не пишет, что Басков на премьере пел фальшиво партию *Ленского*, хотя заглавие настраивает на такое ожидание от текста. Скандальная заметка о другом оперном певце, помещенная в «Московском комсомольце», называется: *«Замочил свою жену»*. К счастью, певец – вопреки ожиданиям – не убил ее, но сделал нечто совершенно невообразимое (цитируем по «Культуре русской речи»): *«Сначала он (...) выбросил вещи своей жены на лестничную клетку, а потом вылил на голову супруге литр (!!!) собственной мочи»*. И далее С.И. Виноградов (автор главы) комментирует: *«Даже если представить, что эта (или подобная) информация достоверна, публикуя ее, газета явно идет вразрез со сложившимися представлениями о приличии («синдром замочной скважины») и берет на себя несвойственные ей функции милицейского протокола»* (С. 249). От себя добавим: остается непонятным, каким способом был измерен объем жидкости.

Разумеется, в этой статье отражены не все признаки аутентичной журналистики. Рамки статьи не позволили расширить иллюстративный материал, который оказался ограничен преимущественно журналом СМ. Впрочем, нас оправдывает то, что именно «хорошие» «опозиционные» СМИ не были до сих пор объектом пристального изучения, и мы решили восполнить этот пробел.

Список использованной литературы:

1. Культура русской речи. – М., 1998.
2. Русский язык конца XX века (1985-1995). – М., 2000.